

УДК 008: 821.161.1.09

DOI: 10.17223/19986645/46/12

Е.Г. Серебрякова

«АНТИСОВЕТЧИК» ВАЛЕРИЙ ТАРСИС: ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПИСАТЕЛЯ-НОНКОНФОРМИСТА КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье анализируется поведенческая модель писателя-нонконформиста Валерия Тарсиса. Это позволяет выявить специфику индивидуальной идентичности писателя. Цель статьи – определить механизмы ее формирования, обнаружить поведенческую модель, использованную в качестве образца и определившую тип «писатель-нонконформист». По мнению автора, базовым механизмом самоидентификации Тарсиса являлось воспроизведение героической модели «борца с тоталитаризмом». Однако данная модель поведения скрывала под антисоветскими акциями советскую ментальность.

Ключевые слова: диссиденты, нонконформисты, диссидентский дискурс, поведенческие модели.

Механизмы формирования индивидуальной идентичности изучаются представителями различных наук: философии, психологии, социологии. Каждая из дисциплин предлагает свой подход к проблеме. Один из вариантов, предложенных культурологией, – анализ поведенческих моделей как своего рода «текста», с определенным типом дискурса и способом репрезентации.

Целью данной статьи является определение специфики индивидуальной идентичности советского писателя Валерия Тарсиса. Мы постараемся выявить механизмы формирования идентичности «писатель-нонконформист», обнаружить поведенческую модель, использованную литератором в качестве образца, и проследить её дальнейшую трансформацию.

Выбор объекта исследования объясняется несовпадением самоидентификации писателя, реализуемой в социальной практике, и подлинной идентичности, реконструируемой при анализе поведенческой модели.

Имя Валерия Тарсиса, хотя и состоявшего членом Союза писателей с 1940 г., не было знакомо широкому кругу читателей, поскольку до конца 1950-х гг. он занимался преимущественно переводами. Однако социальное поведение литератора в 1960-е гг. оценивалось властями как общественно опасное, более того, Тарсис косвенно повлиял на участь Синявского и Даниэля. В октябре 1965 г., накануне его высылки из страны, в Записке председателя КГБ В.Е. Семичастного и генерального прокурора СССР Р.А. Руденко имена Тарсиса, Синявского и Даниэля фигурируют вместе: «В частности, полагаем целесообразным провести следующее: <...>

– По окончании следствия и после решения вопроса об ответственности арестованных Синявского и Даниэля Союзу писателей СССР обеспечить участие писательской общественности в заключительных мероприятиях по делу, вопрос о которых будет решён Прокуратурой СССР, КГБ и судебными органами. <...>

– Что касается Тарсиса, то во изменение ранее принятого решения о его аресте с целью последующего принудительного лечения, в настоящее время представляется более правильным разрешить ему выезд из Советского Союза за границу с закрытием обратного въезда. Такая мера позволит пресечь различного рода инсинуации "о гонениях" на Тарсиса и <...> локализовать действия всяких "комитетов по защите Тарсиса", которые в случае ареста последнего, безусловно, ассоциируют его имя с именами Синявского и Даниэля, что вряд ли выгодно нам политически» (Записка председателя Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР В.Е. Семичастного и Генерального прокурора СССР Р.А. Руденко от 2–4 октября 1965 г.) [1. С. 297].

Тарсис реализовывал в общественной практике революционно-героический тип поведения. Он декларировал свою ориентацию открыто и демонстративно. В сатирическом памфлете «Сказание о синей мухе» (1963 г.) один из героев высказывает мысли, близкие позиции автора: «...только объединённое человечество способно к разумной общей жизни, то есть к коммунизму. <...> Но чудовищно бюрократическое государство отмирать не собирается, и сломать его будет гораздо сложнее, чем буржуазное, зато потом быстро наступит коммунизм» (Справка Государственного комитета по печати при Совете Министров СССР о писателе В.Я. Тарсисе) [1. С. 303]. При этом революционность сочеталась в его общественных акциях, публицистических и литературных текстах с антисоветской риторикой.

Публикация «Сказания о синей мухе» в «Гранях» под подлинной фамилией была весьма рискованным шагом и имела для автора драматичные последствия: он был помещён в психиатрическую больницу и выпущен после вмешательства международной общественности. Второй текст, «Палата № 7» (1966 г.), закрепил скандальную славу писателя, поскольку впервые рассказывал об использовании в Советском Союзе психиатрии в борьбе с инакомыслящими. Новизна темы, подвергнутой художественному анализу, определила внимание читателей. Правда, Тарсис избрал маргинальную тему и тем самым сознательно ограничил круг аудитории. Однако популярность среди читателей самиздата и публикация в Англии прочно связали его имя с оппозиционностью и бунтом.

Современники оценивали поведение Тарсиса и его тексты неоднозначно. Твардовский записал в дневнике: «19. 1. 66: Ещё раз попробовал читать «Палату № 7», не дочитал – противно. Всё там есть, что нередко говорим и думаем почти все мы, но вывалено это с такой неразборчивостью не то что в выражениях, но с какой-то холуйской готовностью сообщить «туда» как можно больше гадостей о советской власти, марксизме и коммунизме <...> что становится, во-первых, скучно от этого однообразного нагнетания «фактов», во-вторых, видишь, что бездарность несостоятельна всегда, даже если она прикасается к самым ужасающим и в основе своей действительным фактам. Всё это – сумбурный, многословный монолог «пациента», объясняющего своё местонахождение в психбольнице историческим перерождением социализма в фашизм и уже ничего не желающего знать, кроме того, что «местонахождение» имеет свои привилегии – безнаказанность любой брехни.

Но можно подумать и так: почему этот автор, печатающий под своей фамилией, на русском языке откровенные призывы к свержению нынешнего строя и предъявляющий самые немислимые (какая уж «сатира», какой «паксвилль») обвинения, – автор этот на свободе, живёт в писательском доме, получает, как говорят, доллары и ничего с ним не делается. Может быть, конечно, это крайнее предположение, дело в том, что он не является «сотрудником» «НМ», никак его не приписать сюда» [2. С. 422].

У возмущения Твардовского, как видим, несколько причин: явное несоответствие художественной немощи произведения его самиздатской популярности, подогреваемой скандалом вокруг имени автора, и очевидно «заказной» характер писания. Причины раздражённости автора дневника становятся ясны при восстановлении внелитературного контекста. Обратим внимание на дату – январь 1966 г. В судьбе «Нового мира» наступили тяжёлые времена: Твардовскому приходится держать оборону от обвинений редакции в сотрудничестве с подследственным Синявским, суд над которым начнётся в следующем месяце, продолжать борьбу за публикацию романа Солженицына «В круге первом», неустанно отбиваться от нападков цензуры. Напряжение, нагнетающееся вокруг журнала, всё чаще приводит главного редактора к убеждению в неизбежности его закрытия. Реплика о безнаказанности Тарсиса объясняется недоумением автора несбалансированностью действий властей. На фоне «разухабистой писанины Тарсиса» (выражение Твардовского) уголовное преследование Синявского и Даниэля за тексты, сомнительно антисоветские казалось ему особенно несправедливым. Заметим, что Твардовский при всей обременённости редакторскими делами нашёл время для повести Тарсиса. Это свидетельствует о восприятии поведенческой модели не слишком известного литератора как знаковой. Тарсис, пусть ненадолго, но стал общественно значимым явлением.

В этом восприятии личности писателя с Твардовским солидаризировался Буковский. В автобиографии «И возвращается ветер...» он посвятил Тарсису несколько восторженных страниц. Восхищение диссидента вызывает демонстративность его протестных акций: тот «давал интервью, пресс-конференции, почти открыто отправлял за границу новые рукописи, даже машину себе купил – на зависть всему писательскому дому, в котором продолжал жить.

И валом валил к нему народ, в особенности же корреспонденты и иностранные туристы, – посмотреть на восьмое чудо света. Буквально все, затаив дыхание, ждали: когда же этого Тарсиса арестуют, задавят машиной или распнут на кресте...» [3. С. 227]. Ориентация на зрителя, зафиксированная Буковским, позволяет характеризовать поведенческую модель Тарсиса как театральную. Эффект, на который тот явно рассчитывает и получает, – популярность внутри страны и, главное, за рубежом. Для профессионального диссидента Буковского успех на Западе – знак эффективности выбранной тактики. Для придания ценностного статуса данному типу поведения Буковский осмысливает его в категориях «бесстрашия» и «мужества»: Тарсис не боится запугиваний высших чинов КГБ, не меняет позиции после заключения в психбольницу, помогает молодёжи печататься на Западе. Вывод Буковского симптоматичен: «Тарсис <...> жил совершенно так, как будто никакой совет-

ской власти не существует» [3. С. 227]. Показательно, что примерно так же определял специфику поведения диссидентов А. Амальрик: свободные люди в несвободной стране. Вот поведенческий образец для личности современного типа – индивидуализм, возведённый в жизненную позицию.

Объяснения логики поступков Тарсиса, данные Буковским, довольно убедительны. В частности, он отмечает социально адаптированное поведение писателя в начале карьеры: «Учился в университете, вступил в партию, был на фронте, стал советским писателем» [3. С. 226]. Поворотным пунктом к девиантному поведению рассказчик считает присуждение Нобелевской премии Пастернаку: «...к 1960 году печатать его перестали полностью. Тут-то и стал он тайком переправлять свои рукописи за границу.

Этот, впоследствии традиционный, способ публикации начался тогда с Бориса Пастернака и стал казаться особенно заманчивым после присуждения ему Нобелевской премии» [3. С. 226]. Буковский указывает на Пастернака как на поведенческий образец для многих литераторов, в том числе и для Тарсиса. Скандал, разразившийся вокруг имени поэта, передавшего рукопись романа на Запад и не сумевшего воспользоваться мировым признанием, может быть привлекателен и способен определить жизненный сценарий. Продолжая логику Буковского, можно понять, что Тарсис реализовал отредактированную версию судьбы Пастернака: печатать на Западе под своей фамилией откровенно антисоветские произведения, подогревать внимание отечественной и зарубежной общественности всё новыми скандалами, используя для этих целей литературное творение и социально провокационное поведение. Тот факт, что художественный текст в этом случае наделяется статусом не эстетического, а политического высказывания, превращается в акт социального неповиновения и одновременно служит трамплином для прыжка на Запад, не смущает диссидента. В конце 1970-х гг., когда Буковский создавал свою книгу, способ, апробированный Тарсисом, зарекомендовал себя как вполне эффективный и действительно стал традиционным в поведении диссидентов.

С версией Буковского нельзя не согласиться. Он указал механизмы формирования поведенческой модели: найден образец, последователь ориентируется на него и совершенствует в соответствии с собственными целями. Референтной группе как бы предлагается иной вариант известной судьбы: как могла бы сложиться образцовая биография при смене поведенческой тактики. Кроме того, подкрепляя свои поступки авторитетным именем, последователь придавал собственным действиям дополнительный вес.

Погружённая в иной социальный контекст цитата наполнялась, казалось бы, новой семантикой: демонстрировала иную модель поведения – не интeриоризацию, как в случае Пастернака, а бунт – полный разрыв с советской культурой ради утверждения новых норм и ценностей. Рассмотрим, так ли это.

«Пастернаковский сценарий» в случае Тарсиса можно проследить по документам. В 1960 г. через итальянского журналиста он передал отвергнутую издательством «Советский писатель» рукопись романа «Флорентийская лилия» Джанджакомо Фельтринелли, именно тому, кто напечатал «Доктора Живаго». Подвергнувшись исключению из партии за «поступок, недостой-

ный звания члена КПСС» (в свете истории с Пастернаком вполне предсказуемая реакция властей) отправил письмо переправлявшему её журналисту Дзаполи с просьбой вернуть рукопись. Расчёт, вероятно, был сделан на память Фельтринелли: с «Флорентийской лилией» тот должен был поступить так же, как с «Доктором Живаго» – напечатать, вопреки просьбе автора, сделанной под давлением. Дальше скандал разрастался бы сам собой. Более того, узнав, что роман в Италии принят к публикации, Тарсис оповестил об этом Московское отделение Союза писателей и попросил предоставить ему возможность выехать туда для «дополнительной работы над произведением и сбора материалов». Эта просьба, с одной стороны, укладывается в норму поведения советского писателя: Тарсис действует открыто, оповещает руководство о творческих планах. С другой стороны, он не мог не предвидеть отрицательной реакции на свою просьбу и, возможно, сознательно подогревал вероятный скандал. Расчёт писателя тогда не оправдался: даже напечатанная «Флорентийская лилия» не смогла повторить успеха «Доктора Живаго».

Из Записки отдела культуры ЦК КПСС от 29 сентября 1960 г. ясно, что автору в тот раз не инкриминировалось антисоветского содержания романа, речь шла лишь о пессимистичности произведения. Содержание книги было признано идейно уязвимым, но никак не враждебным. Причина исключения из рядов КПСС – нарушение партийной дисциплины (Записка Отдела культуры ЦК КПСС и Отдела науки, школ и культуры ЦК КПСС) [1. С. 291]. Как видим, поведение и Тарсиса, и партийного руководства СП укладывается в одно смысловое поле, действия писателя хотя и признаны предосудительными с точки зрения партийной этики, но не противоречат советской идентичности.

Дебют в роли «нового Пастернака» принёс Тарсису первые дивиденды: его имя прозвучало в самиздатских кругах и на Западе. Определилась и референтная группа – читатели сам- и тамиздата. «Свой» автор реализовал коллективные ожидания сообщества. В сборнике «Казнимые сумасшествием» (1971 г.), составленном правозащитниками для привлечения международного внимания к репрессивной психиатрии в СССР, читаем: «В 1960 году Тарсис рвёт с партией и руководством Союза писателей и передаёт за границу рукописи своих произведений. Он в это время – духовный возглавитель (так в тексте. – *Е.С.*) молодёжной творчески-оппозиционной группы СМОГ, первый в Москве открыто критикующий советские порядки» [4. С. 193]. Характеристика, данная Тарсису, значима для самоидентификации диссидентов. Как мы знаем из документов, писатель «рвёт с партией и руководством Союза писателей» не по собственной инициативе, он был исключён (в 1960 г. – из партии, в 1964-м – из Союза писателей). Однако диссидентский дискурс составителей сборника предполагал героическую трактовку событий, совпадающую с версией самого Тарсиса. После высылки из Советского Союза, находясь в Англии, на пресс-конференции в издательстве «Коллинс» 10 февраля 1966 г. на вопрос журналиста, был ли он коммунистом, Тарсис ответил, что был им в течение 20 лет и вступил в эту «бандитско-фашистскую партию», чтобы «лично изучить врага» (Записка первого заместителя председателя Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР Н.М. Захарова и Генерального прокурора СССР Р.А. Руденко) [1. С. 306].

Достоверность высказанной версии, вероятно, казалась ему менее важной, чем хлесткий и запоминающийся ответ. Успех саморепрезентации, похоже, был для него самоценен.

В цитате из сборника «Казнимые сумасшествием» показательна и концовка: в сознании советских диссидентов роль Тарсиса в обществе определяется по аналогии с официальной иерархией: он собиратель молодых антикоммунистических сил и наставник творческой молодежи. Предложенная трактовка поведения согласуется с саморепрезентацией Тарсиса. На упомянутой пресс-конференции в издательстве «Коллинс» он, в частности, объявил себя руководителем всей антисоветской литературы, выходящей на Западе на русском языке, и редактором всех «подпольных» изданий в СССР независимо от того, указано в них его имя или нет (редакторство Тарсиса документировано только в самиздатском журнале «Сфинкс» (1965. № 1) – органе литобъединения «СМОГ»).

Показательно, что самооценки Тарсиса, совпадающие с восприятием его личности нонконформистами, транслируют советскую модель социальных отношений: авторитарное стремление писателя руководить, являть образец для подражания, обучать младших товарищей собственным примером не только профессиональному мастерству, но и жизненной позиции.

Документы, как отмечалось выше, свидетельствуют, что первоначальное намерение властей предать Тарсиса уголовному преследованию, как Синявского и Даниэля, было пересмотрено. Решающим аргументом послужил международный резонанс на заключение его в психбольницу в 1962 г. Высылка из страны была признана более предпочтительным вариантом. Безусловно, Тарсис не мог знать планов властей на свой счёт, и риск вновь оказаться в психбольнице или тюрьме был весьма велик. Однако его действия по мере упрочения международного внимания всё очевиднее приобретали звучание политических акций: после очередной публикации за рубежом он декларировал не раскаяние, как требовалось в нормативном поведении советского писателя, а ещё большую решимость бороться с советской тиранией. В качестве защитных мер от репрессий активизировал связи за границей, обеспечивал себе поддержку международной общественности. При этом социальное поведение Тарсиса оставалось тождественно литературному, публичные и частные устные заявления – художественным высказываниям. «Советский социализм с подлинным социализмом ничего общего не имеет, а уводит народ от конечной цели – коммунизма...» [1. С. 301], «партия ничего общего с коммунизмом не имеет, а является хорошо знакомой ассоциацией чиновных функционеров, борющихся за власть» (Справка Государственного комитета по печати при Совете Министров СССР о писателе В.Я. Тарсисе) от 11 ноября 1965 г.) [1. С. 302]. Это из повести «Сказание о синей мухе» (1963 г.), а вот из беседы с корреспондентом «Нью-Йорк таймс»: «...я ненавижу коммунизм, ненавижу советскую власть... Я буду бороться до последнего вздоха» (Записка первого заместителя председателя Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР Н.М. Захарова и Генерального прокурора СССР Р.А. Руденко от 14 февраля 1966 г.) [1. С. 306]. Как видим, характер высказывания – художественный или публицистический, форма – устная или письменная – не подвергают корректировке ни семантику, ни стилистику.

Это неизменно политические декларации. Тарсис всякий раз выступает как «идеологический субъект» (выражение Игала Халфина): воздействует на сознание современников пропагандистскими методами, идеологически заряженное художественное слово сопровождается «наглядной агитацией» – демонстративным общением с иностранными корреспондентами, открытой передачей рукописей за рубеж и прочее. Йоган Хелльбек отмечал, что советская революционная программа субъективации превращала индивидуумов в исторически и политически сознательных субъектов; предполагала осознанное и добровольное участие каждого гражданина в пересоздании природы, общества, себя [5. С. 222]. Именно такую идеологически преобразующую миссию и возлагал на себя Тарсис. Антикоммунистическая цель не изменила типа идентичности.

Можно предположить, что настойчивая демонстрация антисоветской позиции с использованием риторических приёмов советского дискурса являлась для Тарсиса тактическим средством, позволяла закрепить статус «главного борца с тоталитаризмом» в глазах советской и международной общественности и вынудить власти выслать его из страны. Единство языка, авторского и официального, в таком случае объяснимо, оно позволяет идентифицироваться в качестве объекта преследования властей, спровоцировать международный скандал и тем вероятнее добиться желанной цели. Тогда, покинув Советский Союз, он должен был бы сменить язык: отказаться от идеологического дискурса, дидактической риторики, неизменной манифестации политической позиции. Освободившись от необходимости вести непрерывные идеологические баталии, он мог бы реализоваться в полную силу как художник. Однако этого не произошло. Вот пример выступления писателя в Греции, куда он прибыл по частному приглашению в июне 1966 г., вскоре после эмиграции: «Дамы и господа! С моих детских лет я мечтал посетить родину моих предков <...> Грецию. И наконец моя мечта стала действительностью. <...>

Благодаря преданности своим высоким идеалам греческий народ избежал коммунистического рабства. Однако враг не дремлет и пытается использовать всякую возможность для достижения своих целей. Но мы можем быть уверены, что потомки Гомера, Александра Македонского, Платона и Аристотеля, народ поэтов и философов, своевременно нейтрализуют эти усилия и защитят себя. Я восхищён успехами греческого народа и расцветом греческой культуры. Выгнанный из Советского Союза и прибыв на родину моих предков, я считаю своим долгом предупредить вас о том, чтобы вы не обольщались ложными обещаниями демагогов. Перед собой вы имеете печальный пример моей несчастной страны, где лучшие люди или уничтожены, или замучены в концлагерях, где народ живёт без надежды и ожидания чего-то лучшего, где задушена свобода, где место для честного писателя – тюрьма, психиатрический дом, концлагерь или ссылка.

В последние месяцы я посетил многие страны Европы и Америки и всюду видел, как народы этих стран борются за лучшую жизнь и уничтожение тоталитарных режимов.

Ныне между коммунистами идёт сильная грызня, и я верю, что их конец не за горами. Я надеюсь, что свободный греческий народ присоединит свой

голос к голосам других народов, которые борются за свободу человечества, выразит свой протест против коммунистических орд.

Я весьма взволнован, что встретил вас. Я счастлив, что нахожусь на родине. Благодарю вас» (Статья из греческой газеты «Акрополис»). [1. С. 310–311]. Речь оратора воспроизводит стереотипы официального советского языка: движущая сила истории – народ, прогресс неостановим, победа не за горами.

Тарсис за границей продолжал транслировать поведенческие нормы, традиционные в советской культуре: позиционировал себя как борца за свободу, предупреждал о грядущей угрозе, словом, использовал органичный для себя революционный политический язык. Советская идентичность оказалась адекватной единственно советской культуре и не позволила ему вписаться в западную. В Англии, ФРГ, а затем в Швейцарии, где он жил, Тарсис продолжал литературную деятельность, его собрание сочинений насчитывает 12 томов, но опубликовать удалось лишь 4: написанную в СССР трилогию «Комбинат наслаждений» (1967 г.), автобиографическую повесть «Седая юность» (1968 г.), романы «Столкновение с зеркалом» (1970 г.) и «Недалеко от Москвы» (1981 г.). [6. С. 414]. В Советском Союзе его имя помнилось недолго. Через полтора года, в августе 1967-го, Твардовский записал в дневнике: «...кто сейчас помнит о книжонках и разухабистой писанине Тарсиса?» [7. С. 61].

Итак, базовым механизмом самоидентификации Тарсиса являлось воспроизведение героической модели «борца с тоталитаризмом». Однако революционная модель поведения скрывала под антисоветскими акциями советскую ментальность. Явное несоответствие подлинной и декларируемой идентичности определило творческую судьбу писателя: позиционируя себя в качестве независимого художника, свергающего политический диктат государства, он воспроизводил в гражданском и писательском поведении советские стереотипы и не сумел в полной мере реализоваться как литератор.

Литература

1. *Документы* свидетельствуют... : Из фондов Центра хранения современной документации (ЦХСД). Смотрели за каждым... «Палата № 7» / вступ. заметка Л. Лазарева, публ. Т. Домрачевой, Л. Чарской // *Вопр. лит.* 1996. № 2. С. 290–312.
2. *Твардовский А.* Новомирский дневник: в 2 т. Т. 1: 1961–1966. М.: ПРОЗАиК, 2009. 656 с.
3. *Буковский В.* И возвращается ветер... М.: Захаров, 2007. 400 с.
4. *Казнимые* сумасшествием: сб. документальных материалов о психиатрических преследованиях инакомыслящих в СССР / ред. А. Артёмова, Л. Рар, М. Славинский. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1971. 508 с.
5. *Интервью* с Игалом Халфиним и Йоханом Хелльбеком / пер. М. Могильнер // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 217–260.
6. *Казак В.* Лексикон русской литературы XX века. М.: РИК «Культура», 1996. 491 с.
7. *Твардовский А.* Новомирский дневник: в 2 т. Т. 2: 1967–1970. М.: ПРОЗАиК, 2009. 640 с.

“ANTI-SOVIET” VALERY TARSIS: THE BEHAVIOUR MODEL OF THE NONCONFORMIST WRITER AS A REALISATION OF IDENTITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 46. 167–175. DOI: 10.17223/19986645/46/12

Elena G. Serebryakova, Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation). E-mail: Serebryakova@phipsy.vsu.ru

Keywords: dissidents, non-conformists, dissident’s discourse, models of behaviour.

The author analyses the behaviour model of the nonconformist writer Valery Tarsis. It allows to reveal the specifics of the individual identity of the writer. The purpose of this article is to determine the mechanisms of its formation, to detect the behavioural model used as a sample and determining the type of the nonconformist writer. The choice of the object of the study is determined by the discrepancy between the identity of the writer, performed in social practice, and his genuine identity, reconstructed by the analysis of his behavioural patterns. According to the author of the article, the basic mechanism of Tarsis’ self-identification was the reproduction of the heroic model of the “fighter against totalitarianism”. As a sample, the behaviour model of Boris Pasternak was used, but in an edited version. Tarsis did not hide his anti-Soviet views, consciously provoked government repression. He published two stories in the West, *The Legend of a Blue Fly* and *Ward 7*, under his own name. His name sounded in samizdat circles and abroad. The reference group was determined – readers of samizdat, and tamizdat. International popularity protected Tarsis from the authorities that decided to send the writer out of the country in 1965.

However, this behaviour pattern concealed a Soviet mentality under anti-Soviet actions. Journalistic speeches of the writer broadcast the Soviet model of social relations: the authoritative aspiration of the writer to direct, show a role model, train younger companions with his own example not only in professional skills, but also in a living position. Interviews and articles of Tarsis in the Soviet Union and in exile remain rhetorical techniques of the Soviet discourse. The obvious discrepancy between the original and declared identities determined the creative destiny of the writer: positioning himself as an independent artist overthrowing the political dictatorship of the state he reproduced Soviet stereotypes in his civil and literary behaviour, and did not manage to realise himself fully as a writer.

References

1. Tarsis, V. (1996) Palata № 7 [Ward 7]. *Voprosy literatury*. 2. pp. 290–312.
2. Tvardovskiy, A. (2009) *Novomirskiy dnevnik. V 2 t.* [Novomirsky diary. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: PROZAiK.
3. Bukovskiy, V. (2007) *I vozvrashchaetsya veter...* [And the wind returns . . .]. Moscow: Zakharov.
4. Artemova, A., Rar, L. & Slavinskiy, M. (eds) (1971) *Kaznimye sumasshestviem: Sbornik dokumental’nykh materialov o psikhiatricheskikh presledovaniyakh inakomyshchikh v SSSR* [Executed by madness: A collection of documentary materials on psychiatric persecution of dissidents in the USSR]. Frankfurt: Posev.
5. Ab Imperio. (2002) Interv’yu s Igalom Khalfinym i Yokhanom Khell’bekom [Interview with Igal Khalfin and Johan Hellbeck]. Translated from German by M. Mogil’ner. *Ab Imperio*. 3. pp. 217–260.
6. Kazak, V. (1996) *Leksikon russkoy literatury XX veka* [Lexicon of Russian literature of the 20th century]. Moscow: RIK “Kul’tura”.
7. Tvardovskiy, A. (2009) *Novomirskiy dnevnik. V 2 t.* [Novomirsky diary. In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: PROZAiK.